

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЕДИНСТВА И СОГЛАСИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 4. С. 9–14
North Caucasus Legal Vestnik. 2021;(4):9–14

Проблемы обеспечения единства и согласия в российском обществе

Научная статья

УДК 34.01

doi: 10.22394/2074-7306-2021-1-4-9-14

ОСМЫСЛЕНИЕ ПРАВОВЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ «СМУТНОГО ВРЕМЕНИ» В ТРУДАХ РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ ПРАВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.

Татьяна Владимировна Шатковская^{1, 2}

¹Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, shatkovskaya.tv@gmail.com

²Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Статья посвящена выявлению правовых последствий Смутного времени и обоснованию их влияния на судьбу русского народа. Путем научно-критического анализа трудов В. О. Ключевского, В. И. Сергеевича, М. Ф. Владимирского-Буданова, Ф. В. Тарановского, Н. Н. Алексеева, В. Е. Якушкина, а также правовых актов периода Смутного времени автор доказывает, что эти события имели важнейшее политико-правовое значение и последствия не только для Российского государства, но и для формирования политической целостности великорусского народа как источника учредительной государственной власти.

Ключевые слова: Смутное время, правовой обычай, Земские соборы, позитивное право, Московское государство, русский народ, общественное правосознание

Для цитирования: Шатковская Т. В. Осмысление правовых последствий «Смутного времени» в трудах российских историков права второй половины XIX – начала XX в. // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 4. С. 9–14. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-4-9-14>.

Problems of Ensuring Unity and Harmony in Russian Society

Original article

IMPLEMENTATION OF THE LEGAL CONSEQUENCES OF THE " VAGUE TIME" IN THE WORKS OF RUSSIAN HISTORIANS OF LAW SECOND HALF OF THE XIX - BEGINNING OF THE XX CENTURY

Tatiana V. Shatkovskaya

¹South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, shatkovskaya.tv@gmail.com

²Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The article is devoted to identifying the legal consequences of the Time of Troubles and substantiating their influence on the fate of the Russian people. Through a scientific and critical analysis of the works of V.O. Klyuchevsky, V.I.Sergeevich, M.F. Vladimirsky-Budanov, F.V. Taranovsky, N.N. Alekseev, V.E. Yakushkin. Since then, the author proves that these events had the most important political and legal significance and consequences not only for the Russian state, but also for the formation of the political integrity of the Great Russian people as a source of constituent state power.

Keywords: Time of Troubles, legal custom, Zemsky Sobors, positive law, Moscow state, Russian people, public sense of justice

For citation: Shatkovskaya T. V. Implementation of the legal consequences of the "Vague time" in the works of Russian historians of law second half of the XIX - beginning of the XX century. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2021;(4):9–14. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-4-9-14>.

*Определяя задачи и направления своей деятельности,
каждый из нас должен быть хоть немного историком,
чтобы стать сознательно и добросовестно
действующим гражданином*

В. О. Ключевский

Период начала XVII века (с 1598 по 1613гг.) в России, получивший название Смутного времени, наполнен примерами гибкости и выносливости русского народа, его способности адаптироваться к тяжелым жизненным условиям. События Смутного времени, ставшего первым серьезным испытанием на прочность единого Московского государства, раскрывают духовно-нравственный и правокультурный потенциал русского народа, запас прочности его общежития.

Смута, с одной стороны, способствовала укреплению духовного единства общества, социокультурных и нравственных связей и целей, упорядочению и консолидации основных групп все усложняющегося социального строя государства, с другой стороны, привела к нигилизации общепринятых представлений о власти и праве в народном правосознании.

Прежде чем говорить о правовых последствиях Смутного времени выясним, что понимается под «смутой» в живом великорусском языке. Для этого обратимся к словарю В. И. Даля. В нем смута толкуется как синоним слову «революция», то есть внезапная смена общественного порядка и гражданского быта. Под смутой понимается недоброе дело, приводящее к тревоге, сомнению, смятению, возмущению и саморазрушению.

Смутное время как мощный духовно-культурный перелом, несогласие, возмущение и внутренний раздор имела глубокие внутренние причины. Московское государство, названное В. О. Ключевским «воюющей Великороссией», спланивалось и объединялось в течение многих веков под угрозой внешнего вторжения. Накапливавшиеся при этом внутренние противоречия в связи с неправовым управлением и общественным строем оставались нерешенными.

Так, В. И. Сергеевич указывал на неравномерность повинностей в боярских дворах и поместьях служилых людей. На городских дворян обязанности службы падали тяжелым бременем, что вынуждало их бросать поместья, жениться на боярских дворовых девках и становиться крепостными. Тем самым государева служба для мелкопоместных дворян оказывалась хуже крепостной зависимости. К этому он добавляет московские волокиты в приказах, мздоимство, несправедливый суд бояр, и другие факты бедственного положения населения [1, с. 234, 235].

По мнению Н. Н. Алексеева, Смута, начавшаяся в конце XVI в., продолжала потрясать здание империи на протяжении 300 лет российской истории вследствие «глубоких трещин, обнаружившихся в теле русского государства» [2, с.72]. Прежде всего имелся в виду экономический кризис, связанный с массовым бегством тяглого населения из поместий и боярских вотчин на окраины и формированием бродячей вольницы, низким уровнем сельскохозяйственной техники (распространением переложной системы земледелия) и голодом.

В России были и солдаты, и управленцы, и аристократы, и работники, но не было граждан, способных преодолевать внутреннюю вражду и инициировать государственные преобразования. Стремления к демократическому образу действия со стороны верховной власти, обнаружившиеся в середине XVI в., вступили в противоречие с ее «аристократическими привычками» и обернулись гибелью династии [3, с. 127]. Именно поэтому Смута, начавшаяся с борьбы за престол, превратилась в социальную войну между верхами и низами общества, чье служение до несправедливости неравномерно оценивалось московскими государями. Каждое из сословий пыталось облегчить свое положение в государстве. Реализация их противоположных стремлений ожесточала вражду.

В Смуте рушился государственный строй, но сохранялось общество, объединенное религиозными и нравственными идеалами, оказавшимися для русского народа мощными скрепами. Именно в годы тяжелых испытаний русский народ проявлял удивительную твердость, стойкость и мужество. Как писал Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя», русские люди, не знавшие меры ни в чем, в том числе и в потребности отрицать то, перед чем еще

вчера преклонялся и страдать от этого, с такой же силой самосохранения спасают себя. Он пишет, что «обратный толчок, толчок восстановления и самоспасения, всегда бывает серьезнее прежнего – порыва самоотрицания и саморазрушения» [4, с.77]. Обратный толчок сопровождается неимоверным напряжением и мобилизацией народных сил.

Эти скрепы и позволили русскому обществу объединиться под привычной властью восстановленного царского рода для предотвращения угрозы внешнего вторжения, вмешавшихся в национальную Смуту поляков и шведов. Второе народное (земско-казачье) ополчение осенью 1612 г. заставило войско польского королевича Сигизмунда повернуть от Москвы.

Избрание Романовых в целом положило конец Смуте, которая изменила политические воззрения и зародила новые политические понятия в народе, в том числе в отношении государства и государя. Если ранее государство не мыслилось без царя, то теперь возникает связка народа и государства, выраженная в актах земских соборов в словах «люди Московского государства». Как полагает В. Е. Якушкин, именно усиленной работой земских соборов XVII в. Россия была спасена от Смуты и разобщения [5, с. 6].

Конечно, не все слои русского общества примирились с избранием новой династии. Так, среди казачества только домовитая ее часть поддержала Романовых. Остальные продолжали бунтовать вплоть до Пугачевского восстания, навсегда связав в памяти народа Смуту с казаками. Однако московская «общественная середина» стала той консервативной силой, для которой монархический идеал был глубоким убеждением.

Для средневекового монархического государства таким была Россия в начале XVII в. смена правящей династии имела важнейшее политико-правовое значение. Это объясняется «царецентричным» строением государства. Московские государи, начиная с Ивана III, отказываются от каких бы то ни было обязательств перед подданными. Достаточно вспомнить его переговоры с новгородцами по поводу будущего устройства их земли после потери независимости Новгорода. Отмена вечевого порядка произошла на основании устного распоряжения Ивана III, которое он отказался закрепить в договоре [1, с. 41–49].

И хотя воззрения на царя как власть абсолютную еще не сложились в Московском государстве, о чем свидетельствует ст. 98 Судебника 1550 г. о необходимости «приговора бояр» для издания законов, и некоторое участие подданных в законотворчестве, обеспечиваемое созывом земских соборов, однако на практике именно эти ограничения оказывались средством осуществления царской власти. Так, только царь определял круг лиц для совместного с боярами обсуждения государственных решений и ни один из московских государей не терпел «встречу»¹. Иван Грозный приказывает созвать Земский собор, представляющий собой совещание служилых и тяглых людей государя. Поэтому члены собора не столько выборные представители сословий, сколько депутаты определенных округов, призванные по воле царя в Москву для решения государственных дел.

Новая династия обладала рядом качественно отличающихся от предыдущей династии характеристик. Во-первых, Романовы стали наследственно-избранной монархией. Они не являлись наследственными хозяевами («природными государями») Русской земли в отличие от московских князей и опираются не на боярскую аристократию, а на служилый элемент, приведший их к власти посредством Земского собора. Конечно, родственные связи Михаила Романова с «угасшей династией» обеспечивали некоторую преемственность государственной власти, создавая покров «фикции наследственного преемства по родству» [3, с. 199], но тревоги и сомнения в легитимности идеи избрания царя неоднократно создавали повод для народных мятежей и политических ересей. Фигура Михаила Романова на престоле примирила всех слои служилого сословия и простой люд, но зародила идею негласного ограничения верховной власти в политическом сознании правительственного класса.

Именно в данный период возникло убеждение, что ни государство, ни государь не могут обойтись без народа. И, несмотря на то, что при избрании династии в сознании земских выборных возобладала старина с ее верой в необходимость природного царя идея необходимого народного участия в решении коренных государственных вопросов не осталась бесследной.

Наглядной иллюстрацией тому служит позиция служилых людей на Земском соборе 1642 г. по вопросу об удержании Азова. Несмотря на свое бедственное положение, большинство

¹ Мнение, отличное от царского.

служилого дворянства выступило за принятие Азова, выразило свое согласие нести издержки и участвовать в войне с Турцией, неизбежно следовавшей за этим. Только незначительное меньшинство членов собора отказалось от права высказать свое мнение в пользу правительства. Распоряжением Михаила Федоровича Азов был оставлен ввиду отсутствия достаточных средств для ведения войны. Однако последующие события показали правоту земского большинства, проявившего патриотизм, гражданскую позицию и заботу об интересах государства.

Новая династия, которая не могла рассматривать государство своей вотчиной, впервые основывает правление на юридических основаниях. Законы не только оберегают верховную власть, но и определяют юридические возможности сословий. Важно и то, что первые акты, закрепляющие права служилого сословия были составлены именно в период Смуты.

Речь идет о двух договорах 4 февраля и 17 августа 1610 г. [6, с. 317-325] выражавших потребности служилого слоя в личных правах прежде всего в праве на суд по закону и наказанию по суду, установлении индивидуальной уголовной ответственности, ответственности только за виновное деяние, свободы передвижения, в том числе и в иностранные государства, продвижения по службе и расширения прав и преимуществ за заслуги.

В области государственного управления впервые звучат мысли о распределении верховной власти между царем, Земским собором и Боярской Думой для защиты от личного произвола верховного правителя. Тем самым на смену обычаю, утрачивающему значение вместе со старой династией, приходили твердые основания писаного положительного закона [7, с. 40-48].

Как справедливо заметил М. Ф. Владимирский-Буданов, именно с началом реформ Софьи и Петра I, проводивших в жизнь новые нормы вопреки правовым обычаям, верховная власть перестает созывать земские соборы. В этой деятельности правительство не могло опираться на представителей народа, а, напротив, ожидало от них противодействия и порицания [8, с. 16,17].

Романовы завершают процесс растворения старой боярской титулованной аристократии в массу разнородного среднепоместного служилого люда. Это был первый мощный приток в правительственный слой худородных людей из провинциальных дворян, которых случайные цари возводили в высшие чины. Если в эпоху местничества родовитость лица влияла на его чин, то случайные лица, получившие власть в период Смуты, считали чин основанием для признания их родовитости царем.

Новая знать порывала с местническими счетами и требовала придания правительственному сословию, обособленному от других сословий, юридических гарантий корпоративных дворянских привилегий. В их числе значилось дворянское сословное самоуправление, право делать представления и жалобы верховной власти, право собственности на поместья и суда над своими крестьянами.

Вместе с избавлением от боярства с его претензиями на соправительство монархия освобождается и от аристократических ограничений своей деятельности. В России перестает править аристократия и на ее место заступает разночинно-дворянская бюрократия, не обремененная понятиями родовой чести. Как справедливо отметил, В. О. Ключевский новая элита была объединена не общностью происхождения, нравственно-культурных ценностей и воззрений, а чинопроизводством и сословными преимуществами.

Расширение политической элиты и включение в ее состав разночинных элементов не способствовало демократизации управления. Напротив, оно сопровождалось глубоким социальным неравенством и нравственным отчуждением дворянства от других слоев общества, обусловленным, с одной стороны, законодательным закреплением политических и экономических преимуществ дворян, с другой стороны, культурным влиянием на них западноевропейского Просвещения.

В результате состав гражданского общества, обладающего политической свободой, образом мыслей, понятий и деятельной способностью к государственному строительству, ограничивается несколькими сотнями тысяч дворян. Поэтому и идея государства как общественного союза, управляемого верховной властью, не получила распространения на весь народ. При этом напряжение народных сил ради обеспечения государственных интересов становится правилом общественной жизни, ориентированной на реализацию государственных, а не внутренних потребностей человека. Русский народ в очередной раз принес в жертву свои личные и политические права ради национального выживания России.

Подводя итоги, выделим следующие важнейшие правовые последствия Смутного времени для России. Во-первых, Российское государство перестает быть уделом и частным делом московских князей. И хотя российские монархи вплоть до последнего императора воспринимали себя хозяевами Земли Русской, но в политическом сознании общества идея государства больше не замыкается на государе, выполняющем публично-правовую функцию, а дополняется осознанием необходимости народного участия в делах государства. В построении государства XVII века после Смутного времени удивительным образом сочетались старые и новые представления политической мысли. Речь идет о дополнении идеи богоустановленности царской власти. Соборное избрание, пренебрежительное называемое Иваном Грозным в XVI веке «мятежным человеческим волеизъявлением», в начале XVII века рассматривается не иначе как Божественное Провидение.

Во-вторых, прекращение династии Рюриковичей и утрата легитимности связанных с ней политико-правовых обычаев и традиций требовала выработки новых юридических оснований и порядка осуществления государственной власти. Неслучайно с середины XVII века начинается время активной законодательной деятельности. Однако замена обычаев законами оказалась делом нелегким. Их отсутствие, в том числе закона о престолонаследии, на протяжении столетий осложняло передачу верховной власти и формирование правомерной системы государственного управления. Новые вызовы показали отсутствие в обществе деятельных и образованных людей, способных удовлетворить государственную потребность в действенных законах и публично-правовом порядке. Впервые острая необходимость в просвещенных людях ставит на повестку дня правительства разработку системы юридического образования в России.

В-третьих, в период Смуты сформировалось и понятие великорусского народа как политической целостности. Русское общество не было однородным в силу неправомерной оценки властью характера его служения. Русский народ, обремененный податями и повинностями, лишенный политической и личной свободы, не обладавший осознанным восприятием принципа народовластия, тем не менее, увидел основание своей целостности в государстве. Признание учредительного характера и избирательного права «единомышленного» совета народных представителей обеспечило соборное избрание не только царя, но и династии, восстановив тем самым действие публично-правового принципа наследственной единой державной монархии и единства территории России. Избрание народом Михаила Романова становится юридической гарантией наследственного права новой династии и подтверждением ее преемственной связи с угасшей династией. Так, впервые в истории России русский народ становится источником учредительной государственной власти, что не могло не отразиться на его правосознании. Как справедливо пишет Ф.В. Тарановский «смута сняла пелену с глаз русского народа» [9, с. 107], заставив его задуматься над судьбой отечества и понять, что государство – это общее дело всего народа.

И в завершение исследования напомним еще об одном высказывании великого русского историка В. О. Ключевского о том, что «умственный труд и нравственный подвиг останутся лучшими строителями общества, самыми мощными двигателями человеческого развития», выступая основой жизненного порядка и выразителем высшего назначения человечества [3, с. 33]. Поэтому настала пора отказаться от линейно-прогрессивного восприятия исторического процесса, сложившегося в западноевропейской исторической науке в XVIIв. и доминирующего в современных отечественных исследованиях. Следует научно переосмыслить правовой и государственный опыт России, продолжив исследования российской историко-правовой научной школы начала XX века в направлении выявления и изучения сил, связей и средств, влияющих на строение человеческого общежития как совокупности личностей, направляющих его развитие в национальном масштабе.

Список источников

1. Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб.: Типография С. С. Стасюлевича. 1910. 674 с.
2. Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., «Аграф», 1998. 640 с.
3. Ключевский В. О. Русская история: Полный курс лекций. В трех книгах. Книга 2. Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1998. 608 с.

4. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 880 с.
5. Якушкин В. Е. Государственная власть и проекты государственной реформы в России. СПб.: Типография Альтшулера, 1906. 161 с.
6. Хрестоматия по истории СССР XVI–XVII вв. Под ред. А. А. Зимина. Учебное пособие для университетов. М., Соцэкгиз, 1962. 739 с.
7. Шатковская Т.В. Становление публично-правовых оснований Российского государства: к юбилею юридического оформления Российской империи // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2021. №3 (43). С. 40-48.
8. Владимирский-Буданов М. Ф. Земские Соборы в Московском государстве В. И. Сергеевича. Киев, 1875. 18с.
9. Тарановский Ф. В. История русского права. Учебно-практическое пособие. М.: Юрайт, 2016. 245с.

References

1. Sergeevich V.I. *Lectures and research on the ancient history of Russian law*. SPb.: Printing house of S. S. Stasyulevich; 1910. 674 p. (In Russ.)
2. Alekseev N. N. Russian people and state. M.: Agraf; 1998. 640 p. (In Russ.)
3. Klyuchevsky V.O. *Russian history: A complete course of lectures. In three books*. Book 2. Rostov-on-Don: Phoenix Publishing House; 1998. 608 p. (In Russ.)
4. Dostoevsky F. M. *The Writer's Diary*. M.: Institute of Russian Civilization; 2010. 880 p. (In Russ.)
5. Yakushkin V. E. State power and projects of state reform in Russia. SPb.: Printing house Altshuler; 1906. 161 p. (In Russ.)
6. Zimin A. A. (ed). *Reader on the history of the USSR of the XVI-XVII centuries*. Textbook for universities. M.: Socekiz; 1962. 739 p. (In Russ.)
7. Shatkovskaya T.V. Formation of the public legal foundations of the Russian state: to the anniversary of the legal registration of the Russian Empire. *Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series "Legal Sciences"*. 2021; (4): 40-46. (In Russ.)
8. Vladimirovsky-Budanov M. F. Zemsky Sobor in the Moscow State of V.I. Sergeevich. Kiev; 1875. 18 p. (In Russ.)
9. Taranovskiy F.V. *History of Russian law. Educational and practical guide*. Moscow: Yurayt; 2016. 245 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Т. В. Шатковская – докт. юрид. наук, зав. кафедрой теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС; профессор кафедры гражданского права РГЭУ (РИНХ).

Information about the author

T. V. Shatkovskaya – Doctor of Juridical Science, Head of the Department of Theory and History of Law and State (URIU RANEPa); Professor, Department of Civil Law (RSUE).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 17.11.2021; одобрена после рецензирования 01.12.2021; принята к публикации 02.12.2021.
The article was submitted 17.11.2021; approved after reviewing 01.12.2021; accepted for publication 02.12.2021.